

В армию можно сходить развеяться, и там наберется едва ли не десяток тысяч тех, кто назвал свой мех «Чжаньлу», «Юйчан» или «Дюрандаль». В Восьмой галактике у многих прошлое покрыто мраком, ни имени, ни роду-племени, они сами на ходу придумывают себе прозвища. Так что нет ничего удивительного, если бы кто-то в реальности стал называть себя «Чжаньлу», поэтому Лу Бисин никогда не связывал Чжаньлу с тем загадочным мехом.

Тем более что хозяин того самого знаменитого Чжаньлу разве не...

Лу Бисин бормотал про себя: — Лин... Лин кто?

Чжаньлу беззвучно висел на руке Лина, а Лин Цзинхэн голыми руками разломал поврежденный отсек меха и с яростью надавил сверху — деформированная дверь с грохотом отвалилась, и Нуль-ноль-один, извиваясь подобно беспозвоночному и пуская изо рта белую пену, вывалился наружу.

Лин Цзинхэн встряхнул Нуль-ноль-одина за волосы, поднял его и, подняв голову, улыбнулся Лу Бисину, словно хваля за сообразительность.

В этот самый момент откуда-то издалека донесся шум, а затем посчастливилось услышать мужской голос, звучавший так, будто он сам по себе был снабжен динамиком: — Лин Цзинхэн! Ты ублюдок, держись от моего сына подальше!

Четверо нерадивых студентов Звездной академии переглянулись. Эти неграмотные подростки из отдаленных регионов понятия не имели, кто такой маршал Военного совета Альянса, и тем более не слышали, что из себя представляет какой-то там генерал-лейтенант. Они совершенно не понимали, что происходит.

Страшная догадка, висевшая камнем на сердце Лу Бисина, рухнула вниз, и его зрачки сузились.

— Я... я пару лет назад видел один альбом, — Лу Бисин уставился в серые глаза Лина Цзинхэна и произнес вполголоса: — Там были перечислены все прославленные полководцы Альянса со времен Новой эры.

Лу Бисин помнил молодого генерала из того альбома. Это был последний генерал-лейтенант Альянса.

Когда он впервые открыл этот альбом в юности, его сразу же привлек молодой генерал на последней странице. Военная форма этого человека была отглажена с безупречной педантичностью — вылитый модель на съемках рекламы призыва. Выражение его лица было холодным, взгляд, пронзавший саму картинку, казался одиноко устремленным куда-то вдаль и таил в себе едва заметную, невыразимую угрюмость.

Лу Бисин как-то спросил Одноглазого Орла, кто это такой. Ледяной взгляд Одноглазого Орла до сих пор стоял перед глазами: он помнил, как старый торговец оружием, сжав зубы, процедил: — Лин Цзинхэн? Да он бессердечный негодяй.

Лин Цзинхэн неопределенно склонил голову набок: — О, а я похож на человека с фотографии?

Взгляд Лу Бисина скользнул по его бровям, переносице, маске, висевшей на одном ухе, распаханному на груди белом халате... и небрежно выбившейся из-за пояса брюк рубашке. Кривя душой, он ответил: — Похож, но...

Но даже если перед ним стоял мужчина, неотличимый от человека на фотографии, даже если он нагло и открыто разъезжал по всей Звездной системе, называя себя «Лин Цзинхэном», окружающие наверняка приняли бы его лишь за безумного фанатика, помешавшегося на кумире.

Потому что смерть Лина Цзинхэна была официально объявлена Эдемом. Это означало, что этот человек, этот дух и эта душа полностью исчезли из мира, не оставив после себя даже следа активных мозговых волн. Система Эдема была не в состоянии их зафиксировать, только после чего и вынесла свой вердикт.

Смерть, подтвержденная Эдемом, была куда надежнее трупа, увиденного собственными глазами.

Так как же такое возможно?

В этот момент Одноглазый Орел, мчавшийся во главе отряда сломя голову, уже подбежал ближе. Он вскинул оружие, нацелив его на Лина Цзинхэна: — Каковы твои намерения, раз ты крутишься возле моего сына?

Лин Цзинхэн холодно и отстраненно ответил: — Мои намерения, по мнению уважаемого брата Лу, несомненно, дурные.

Лу Бисин торопливо протянул руку, пытаясь его остановить: — Пап, ты что делаешь?

— Убирайся, — Орел отмахнулся от его руки. — Не твое дело.

Однако ему так и не удалось оттолкнуть руку Лу Бисина, которая едва не вывернула плечо генерала Лина из суставов.

Одной рукой прижав дуло пистолета к земле, Лу Бисин остался совершенно неподвижен и беспомощно произнес: — Поумерь свой пыл.

Лин Цзинхэн подтащил Нуль-ноль-одина и подошел ближе. Весьма галантно кивнув Одноглазому Орлу, он «дружелюбно» посоветовал: — И правда, поумерь. Лучшее время для лечения бешенства — три дня после проявления симптомов. Судя по признакам, братец, тебе стоит поторопиться.

У Лу Бисина от этого цирка голова шла кругом: — И ты поменьше болтай!

Лин Цзинхэн бросил на него взгляд и проявил удивительную рассудительность: — Ладно, ради тебя.

Одноглазый Орел взревел: — Я прикончу тебя!

Внезапно раздался звериный рев. Оглянувшись, все увидели, как те жуткие подопытные мутанты с дикими криками мчатся за ними по пятам.

Одноглазому Орлу пришлось временно отложить давние счеты с Лином Цзинхэном, и он с досадой выругался: — Да когда же это закончится?

Он уже собирался открыть огонь, но в этот самый момент один из мутантов внезапно рухнул на землю. Плоть по всему его телу съежилась и расплавилась, обнажив розоватый скелет, который безумно извивался на земле. Следом за ним, подобно костяшкам домино, одна за другой начали падать целые толпы гуманоидных монстров. Их оглушительные крики ужаса пронесли окрест, и прямо на месте образовалась огромная братская могила!

Лу Бисин и студенты никогда прежде не видели ничего подобного и окаменели, превратившись в пять безмолвных истуканов.

Лицо же Лина Цзинхэна мгновенно изменилось. Он перехватил управление мехом и резко распахнул дверь отсека — четверо студентов, столпившихся в проеме и вытягивавших шеи, едва не вывалились наружу: — Живо наверх, бегом!

Не успели его слова затихнуть, как издалека донесся взрыв, и вся космическая станция заходила ходуном.

Потерявший рассудок Нуль-ноль-один заранее рассчитал время: он использовал одноразовых мутантов, чтобы задержать людей на станции, а сам планировал сбежать, после чего сразу же взорвать ее, заматавая все следы и избавляясь от свидетелей.

Одноглазый Орел счел происходящее полнейшим абсурдом: — Зачем ему взрывать станцию? Он что, больной?

— Раз уже взрывает, к чему столько вопросов? — Лин Цзинхэн шагнул внутрь меха и бросил Одноглазому Орлу: — Ты залезать собираешься, жить надоело?

Перечить ему уже вошло у Одноглазого Орла в привычку: — Тьфу, не нужна мне твоя фальшивая... Лу Бисин, сопляк ты этакий, что творишь?! Совсем от рук отбился!

Хотя Лу Бисин и любил поболтать да постригнуть языком, склад боеприпасов в голове не хранил, а потому соображал быстрее своего престарелого родителя, где кроется настоящая опасность. Жуткий взрыв приближался со страшной силой, земля задрожала, и все припаркованные мехи затряслись в панике. Лу Бисину не оставалось ничего иного, кроме как проявить непочтительность к старшим: он силой затащил притопывающего на месте торговца оружием внутрь меха. Не успели они толком встать на ноги, как люк автоматически захлопнулся и заблокировался. Тут же оборонительная система вышла на максимальную мощность, и плазменное орудие сбило посадочный шлюз космической станции, позволив меху вырваться наружу.

Малогабаритные мехи обычно не способны нести мощные силовые установки. Чтобы преодолеть гравитацию, всей двигательной системе требуется не менее двух с половиной минут на предварительный прогрев. Поэтому для экономии энергии самого меха обычно используется инерция пусковой рельсовой дороги посадочной станции для разгона.

В этот самый момент ввысь взметнулись столпы пламени, а взрывы на станции слились в сплошной грохот — о предварительном прогреве нечего было и думать.

Мех стремглав выскочил на рельсы и понесся вперед, набирая скорость на ходу. Позади него рельсы продолжали рушиться, а сама космическая станция под воздействием взрывов ускоренно разваливалась на части.

Лу Бисин даже не успел перевести дыхание, как бросился проверять безумно вращающуюся силовую установку: — Плохо дело, если так пойдет дальше, полный разгон завершить не удастся и...

Не успел он договорить, как корпус содрогся от мощного удара. Станция начала ломаться и скручиваться посередине, а безумные вопли сирен заглушили его слова — разгонный рельс разрушился окончательно, а у меха не хватило скорости, и его затянуло внутрь искусственной гравитации станции!

Обтекаемый корпус меха закрутило в воздухе волчком. Пилот, господин Лин, судя по всему, привык летать в одиночку и явно страдал нехваткой опыта пассажирских перевозок: он даже не соизволил бросить дежурное «держитесь крепче». В результате его несчастные спутники разом превратились в носки внутри стиральной машины, перемешавшись в единый куваркающийся ком.

Четверо подростков завопили так слаженно, будто составили целый хоровой ансамбль. Одноглазый Орел со всего маху впечатался лбом в переборку, и по его лицу можно было безошибочно судить, что он уже мысленно перемыл кости всем предкам Лина Цзинхэна до седьмого колена.

Лу Бисин в панике ухватился за ремень безопасности: — Лин!

В этот момент предупреждение о сильной гравитации резко изменило тональность: искусственное гравитационное поле станции начало дестабилизироваться, и ничего хорошего это сулить не могло.

Одноглазый Орел взвыл: — Мы сейчас взлетим на воздух! Ты вообще способен на что-нибудь, Лин?!

Секунду спустя станция Гнезда Яда взорвалась в темноте космоса ярким фейерверком. Огромная волна высвободившейся энергии со страшной силой ударила по защитной системе меха, в результате чего щит получил более восьмидесяти процентов повреждений, а задняя половина корпуса мгновенно запылала.

Вой сирен и крики пассажиров слились в какофонию. Лин Цзинхэн отдал приказ: — Отсоединить резервный источник питания!

Словно воин, отсекающий себе раненую руку, мех сбросил поврежденную заднюю часть и за счет этого энергетического импульса, словно сорвавшаяся с привязи лошадь, вылетел сквозь языки пламени в бескрайний океан звезд Восьмой галактики.

Лин Цзинхэн повернулся, растирая заложенные от шума уши, и с напускной заботливостью поинтересовался: — Кому-нибудь требуется средство от укачивания?

Уайт укачался настолько, что был не в силах даже стоять на ногах. Опустившись на колени и содрогаясь от позывов тошноты, он языком тела дал понять, что средство требуется в крайне острой форме.

Этот мех изначально был частью личной коллекции Лина Цзинхэна на Пекин-Сити. С привычной сноровкой извлеки медицинское оборудование, он по очереди запихнул всех четверых студентов в изоляторы. Находящегося без сознания Нуль-ноль-одина он заодно пристегнул ремнями к электрическому стулу, после чего перевел систему на автопилот, размял затекшую шею и направился к винтному шкафчику.

Лу Бисин виновато приблизился к нему и, пытаясь завязать хоть какой-то разговор, робко спросил: — Хочешь, я поведу?

Лин Цзинхэн молча уставился на совершенно пустой шкафчик: — Мое вино пришлось тебе по вкусу?

Устроившему межзвездное пьяное вождение Лу Бисину оставалось лишь молча обнажить в белоснежной улыбке все восемь зубов.

— Даже бутылки мне не оставил, — с глубоким восхищением произнес Лин Цзинхэн. — Молодой господин, зубы у вас что надо.

— Бутылки на месте, вот же они, — Лу Бисин поспешно махнул рукой. — Вторичное использование отходов, облагораживаем унылую экосистему внутри меха.

Лин Цзинхэн поднял глаза и увидел, что прямо над его головой парит аккуратный ряд прозрачных бутылок. Внутри них плескался растительный питательный раствор, в котором плавали светящиеся травинки — эти генно-модифицированные декоративные растения были крайне неприхотливы, стоило лишь поместить их в герметичную среду с питательной жидкостью, и они могли жить годами. Маленькие листочки плавно распускались внутри сосудов, а их изумрудное сияние покачивалось в такт покачиванию подвешенных бутылок, напоминая летние сумерки и светлячков над сырой травой.

Тусклый свет лампы над винным шкафчиком падал на лицо Лина Цзинхэна, словно накладывая на него мягкий фильтр: коготь, следы крови на подбородке и скрытое раздражение — все это словно растворилось, и перед ним вновь предстал тот самый человек, которого Лу Бисин много лет назад видел на страницах альбома.

Не зная почему, Лу Бисин на секунду отключился и выпалил: — Генерал, это вам!

Сказав это, он тут же пришел в себя и едва не прикусил собственный язык, сообразив, что сморозил совершеннейшую глупость. Подобный поступок даже нельзя было назвать «поднесением чужих даров» — он буквально ободрал догола задний сад самого Будды!

К счастью, Лин Цзинхэн не собирался сводить с ним счёты. Бесстрастно отвернувшись, он произнес: — Благодарю за порыв, но носить над головой садик я почтеннейше отказываюсь. Немедленно убирай это и проваливай.

Лу Бисин: — ...

— Кстати, — Лин Цзинхэн на мгновение замер на полушаге. — Медпункт там. Ступай и для начала извлеки из себя нелегальный чип.

Собиравшийся учинить разборки Одноглазый Орел издали расслышал последние слова, и его лицо резко переменилось: — Какой еще чип?

В ту самую секунду, когда Лу Бисин услышал это, его сердце пропустило удар, и изнутри поднялась какая-то яростная, иррациональная волна протеста. Она была совершенно не свойственна его характеру, словно в глубине души томился чужеродный свирепый зверь, разъяренный брошенными словами и дико взревший: — Никому не позволено отнимать мою силу!

Лин Цзинхэн невозмутимо окинул его взглядом. Столкнувшись с этим ледящим взглядом, Лу Бисин ощутил себя так, будто на него вылили ушат ледяной воды. Вздвогнув от внезапного испуга, он подумал: — Я же управляю школой, зачем мне вообще такая сила?

— Угу, сейчас пойду, — смутно ощущая всю опасность этой микросхемы, рассеянно отозвался Лу Бисин. Сделав пару шагов, он о чем-то вспомнил. — Только вы двое больше не деритесь, ладно? Иначе разнимать будет некому.

Одноглазый Орел при одном упоминании слова «чип» начинал реагировать как аллергик. Не дожидаясь, пока сын закончит напутствия, взъяренный старик злобно пихнул его прямо в медицинский отсек.

Лин Цзинхэн, заложив руки за спину, проводил их взглядом и подумал про себя: — Сильнейшее привыкание.

Еще там, на станции, у него уже смутно зарождалось это подозрение — иначе никак нельзя было объяснить, почему крошечная сектантская организация из Восьмой галактики вдруг целиком и полностью подчинилась инопланетным пиратам, причем подчинилась безоговорочно, изнутри наружу, без единого вопроса и исключения.

Со времен древней промышленной революции... и даже еще более древней аграрной революции человечество давно вышло из-под ударов естественного отбора, а погоня за сиюминутным наслаждением закрепила в генах словно раковая опухоль. Споры о степени вызываемого Эдемом привыкания бушевали добрых полвека до момента его основания, и лишь благодаря жесткому законодательному регулированию систему удалось запустить в тестовом режиме. Теперь же вопрос о том, вызывает ли Эдем зависимость, утратил всякий смысл — он стал таким же неотъемлемым элементом выживания, как дыхание или еда.

И тем не менее, Эдем хотя бы находился под строгим надзором, тогда как подобные кустарные чипы открывали дорогу бесчисленным злоупотреблениям.

Существует ли эта дрянь только в Восьмой галактике, или она уже незаметно просочилась во весь Альянс?

Лин Цзинхэн превратил кабину пилота в личную комнату отдыха и медленно опустился в кресло. Чжаньлу хранил молчание, неподвижно обвившись вокруг его руки подобно простому украшению.

Сейчас Чжаньлу представлял собой лишь управляющее ядро, а не полноценный мех. Защитное поле, с помощью которого он отразил энергетический клинок ради Лу Бисина, почти полностью истощило его запасы энергии, так что теперь ему оставалось лишь медленно подзаряжаться от энергетической системы самого корабля.

Без Чжаньлу Лин Цзинхэн не мог связаться с «Серебряной девяткой».

К счастью, он и не собирался пускаться в неизвестные странствия в компании разношерстной толпы праздных зевак. Поскольку этих людей все равно предстояло в целости и сохранности доставить на Пекин-Сити, особой спешки с пробуждением Чжаньлу не было.

События сегодняшнего дня выдались чересчур насыщенными.

Лин Цзинхэн смутно чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Закрыв глаза, он погрузился в ментальную сеть меха.

Подключение к ментальной сети отбило бойцовому петуху мозги до сотрясения и отправило в беспамятство на весь путь, однако для Лина Цзинхэна, давно привыкшего к подобным сопряжениям, это служило отличным способом расслабиться.

Ментальная сеть летевшего по заданному курсу корабля пребывала в полном спокойствии; тончайшие колебания собирали информацию об окружающем пространстве. Сознание Лина Цзинхэна растворилось вместе с ментальной сетью в бескрайних просторах, а пульс постепенно замедлился.

Он нередко прибегал к этому методу, чтобы обрести внутренний покой — подобно рыбе, погружающейся на морское дно, чтобы в тишине переварить всё пережитое.

Каждый уголок корабля находился в поле его восприятия, хотя звуки стали гораздо глуше, избавляя от раздражающего шума.

Лин Цзинхэн видел, как Лу Бисин уже извлек чип. Стоило чипу покинуть его тело, как ответный удар обрушился с удвоенной силой: суставы коленей, принявшие на себя тяжелые ушибы, буквально раздробило, поврежденные боевиками Гнезда Яда руки мгновенно вылетели из суставов, а по всему телу обнаружились многочисленные переломы. Одноглазый Орел засуетился вокруг сына, не зная, за что схватиться от жалости. К счастью, прошло немного времени, и все повреждения были поверхностными — медицинская система меха справилась с ними быстро.

А в изоляторе тем временем каждый из четырех студентов получил по инъекции противорвотного. Лекарство подействовало мгновенно, и те четверо, что еще мгновение назад балансировали на грани смерти, уже вовсю болтали друг с другом.

Уайт заявил: — Пусть по возвращении нас ждет дюжина объяснительных, но оно того стоило! Ради такого опыта я готов хвастаться им всю оставшуюся жизнь, даже если эмигрирую в Седьмую галактику!

Другой парень, тот самый «бойцовый петух», отозвался: — Интересно, будут ли нас снова делить по отделениям? Если да, я непременно выберу пилотирование мехов, это же невероятно круто.

— Тебя едва до смерти не проучило от этой крутизны, — холодно заметила Мята. — Эй, книжный червь, не забудь рассчитаться со мной по остатку долга перед эмиграцией.

— Мы же теперь товарищи по смертельной битве, а для тебя важны только мои деньги, — вздохнул Уайт. — Кстати, разве в нашей школе нет стипендий? Зачем вам обоим столько денег?

— Мне нужно кормить семью, — помолчав, ответила Мята. — Я из детского дома. В прошлом году директор сбежал с деньгами, приют закрыли, а нас, кучу малышни, бросили на произвол судьбы. Делать было нечего, мы, кто постарше, потолковали и решили попытать счастья — вдруг удастся раздобыть денег. Если нет... если нет, разойдемся кто куда, и пусть эти малыши выживают как знают. Я торговала на черном рынке, нелегально модифицировала оружие для людей, но на этом много не заработаешь. Говорят, дизайн мехов приносит больше всего денег, вот я и решила попытать удачи.

Хуан Цзиншу лежала в изоляторе в одиночестве, держась от остальных особняком, но тут вдруг вставила слово: — В этой эмиграции нет ничего хорошего, везде одно и то же.

Вспомнив, что она страдает синдромом пустого мозга, а ее семья, судя по всему, прибыла из другой звездной системы как «потерянные», остальные подростки какое-то время не решались продолжать разговор.

Помолчав с минуту, Мята намеренно нарушила неловкую тишину и бросила Уайту: — Эй, книжный червь, у тебя же водились деньги? Называй цену, напишу за тебя объяснительную по возвращении.

Подростки вновь завязали оживленный торг.

— Вот вернемся в школу...

Лин Цзинхэн больше не слушал. Сквозь ментальную сеть он скользнул взглядом по упрямому лицу Хуан Цзиншу, вспомнив ее имя.

Цзиншу.

— Выйти замуж за кого-то из семьи Грэдонов равносильно замужеству за Комитетом управления. Подумай хорошенько: если не хочешь — так и скажи, я ведь пока жив.

— Я делаю это добровольно, братец. Разве в замужестве за Комитетом есть что-то плохое?

Тон, с которым она обращалась к нему «братец», звучал столь же сухо и вежливо, как и «ваша честь» или «господин». Разговаривая, она не смотрела ему в глаза — ее взгляд задерживался на нижней половине его лица. На губах прежде слов заблужилась натянутая улыбка, на каждый вопрос следовал ответ лишь по существу, словно этот кровный брат был для нее не

более чем чужаком.

Он помнил тот день, когда Лу Синь забрал его с собой: маленькая девочка бежала следом за машиной до тех пор, пока та не взмыла на воздушную трассу. Споткнувшись при попытке задрать голову, она упала, а роботы-няньки с криками и суетой бросились поднимать ее. Лин Цзинхэн уже не мог разобрать, плакала ли она тогда.

Как же давно это было.

Прошли десятилетия, и он почти стер из памяти облик той маленькой девочки.

— Господин, — голос Чжаньлу ворвался в ментальную сеть меха подобно крошечному камешку, поднявшему легкую рябь.

Лин Цзинхэн на мгновение вернул блуждавшее во тьме сознание: — На сколько восстановился?

— Пять процентов.

— Сможешь связаться с «Серебряной девяткой»?

Чжаньлу на секунду замялся: — Прошу прощения, хозяин, энергии недостаточно для межзвездного поиска и определения координат. Не желаете испытать мою «предельную функцию»?

Под предельным состоянием подразумевался режим, когда заряд батареи падает ниже определенного уровня и большинство функций меха принудительно отключаются. Сейчас положение Чжаньлу было особым, да и если бы при нем оставался собственный корпус, он бы без крайней нужды не обесточивался. Ведь нехватка энергии у сверхпространственного тяжелого меха на поле боя обычно означала гибель машины вместе с пилотом.

Предельная функция меха обычно представляла собой набор опций, доступных лишь тогда, когда и человек, и машина находились на волосок от смерти. Персонализированный дизайн ядер элитных мехов сильно различался, и заложенная в них предельная функция чаще всего отражала взгляды их хозяев на смерть.

Лин Цзинхэн еще не успел изучить предельную функцию Чжаньлу, а потому любопытствовал: — Активируй. И в чем же она заключается?

Чжаньлу отрапортовал: — Составить вам компанию в беседе.

Лин Цзинхэн: — ...

Какая идиотская функция! Вот за это он и не любил подержанные мехи.

Прошлый хозяин Чжаньлу был от природы романтическим чудаком, заложив в легендарный мех функцию поболтать — видимо, на случай, если перед самой смертью ему захочется перекинуться словечком еще на пару грошей.

<http://bllate.org/book/19100/1876008>